МИХАИЛ ГУТЕРМАН

В Центре «На Страстном» сегодня можно посмотреть японскую сказку

Рус. курьер. – 2005. – 4 февр. – с. 20.

У самурая женское лицо

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Любовь российской публики ко всему японскому автоматически привлекает внимание к гастролям театральных коллективов из Страны восходящего солнца. При этом умным японцам надо отдать должное: если на их творческой кухне и существует откровенная халтура (а где ее нет?), они предпочитают не вывозить ее за пределы страны.

Театр «Рюдзандзи энд компани», заехавший к нам в рамках мирового турне, позиционирует свой стиль как «неокабуки». Пьеса драматурга Намбоку Цуруя «Безумная любовь самурая» – о воине, влюбившемся в гейшу и подвергнутом жестоким жизненным испытаниям, написана почти двести лет назад как раз для кабуки. Однако спектакль, показанный в помещении Театрального центра «На Страстном», не имеет отношения к традиционному японскому театру. Это вполне современное зрелище. Старинная драматургия трактуется лихо, шумно, динамично, с глянцевым попсовым оттенком. При всех своих чудачествах это зрелище не лишено привлекательности. Быть может, дело в пресловутом японском обаянии, благодаря которому на сцену смотришь, не сгоняя с лица улыбку.

В японском театре – старинном и не очень – частенько мужчины исполняют женские роли. У «Рюдзандзи...» все наоборот: основные мужские роли играют женщины. Вернее, молодые девушки. Надо сказать, они справляются отменно. Хрупкие женские фигурки замечательно смотрятся в боевых кимоно и с тяжелыми самурайскими мечами. А актрисы, играющие главных соперников – несчастного самурая Кадзуэмона и злодея поневоле Сангоро, необычайно хороши. У девушки-самурая узкие пылающие глаза, сильная пружинистая фигура, резкий голос и очень выразительное лицо, одной только тенью эмоции показывающее и нежность к недостойной гейше Коман, и боль от обмана, и дикую усталость одиночества. А девушка-злодей, гибкая кошка, яростная и насмешливая – полная противоположность герою. В их выстроенном с острой условностью дуэте сконцентрировано все сюжетное и сценическое напряжение спектакля.

Хотя постановочных фокусов тоже хватает. Динамичная музыкальная фонограмма, под которую происходят и массовые побоища а-ля «Убить Билла», и грубоватые комические сцены, соседствует с традиционным для кабуки живым оркестриком. Персонажи много двигаются и очень быстро говорят. Манеры у них зачастую абсолютно европейские: к примеру, в японском театре, особенно старинном, вряд ли возможны откровенные эротические контакты. А гейша отличается от женщины знатного происхождения цветом кимоно, а не томным взором и кокетливыми интонациями. Однако здесь цветовая гамма вообще не является традиционным выразительным средством. Только черный, обволакивающий сцену в траурных и боевых эпизодах, настраивает на серьезность того, что случилось с героями. В остальном, несмотря на классический для японской драматургии антураж, – море крови, отречения и предательства, страшные секреты и бесконечная жестокость – «Безумная любовь...» чаще вызывает смех, нежели ужас. Быть может, дело в сегодняшнем восприятии старинного текста. Разве не забавно, к примеру, смотреть, когда выпивший по ошибке отравленный напиток брат гейши Коман издает предсмертные крики, а Коман с супругом его уговаривают: «Если ты будешь так шуметь, то преступление припишут нам. Поэтому умри тихо». Или этот же самый брат, нарядившись в белый балахон, вылезает из коробки и журчит: «Я – привидение!», вполне в духе какой-нибудь детской сказки. Кстати говоря, «Безумная любовь...» в данной интерпретации больше всего и походит на сказку. Лирическую и обаятельную, сыгранную с той долей радостной наивности, которой частенько не хватает актерам многих других стран. В том числе и России. А умение посмеяться над собственными традициями, при этом не нарушив их, тем более делает честь.